

Владимир Бауэр

Поэт. Родился в Тбилиси в 1969 г. С 1986 года живет в Санкт-Петербурге. По профессии юрист, работает в юридическом отделе Государственного Эрмитажа. Участник, а с 2013 года — бессменный ведущий литературного объединения под руководством А. Г. Машевского. Член редколлегии журнала «Аврора». Стихи публиковались в изданиях «Звезда», «Вавилон», «Воздух», «Зинзивер», «Белый Ворон», «РЕЦ», «Эмигрантская лира» и др., альманахах «Артикуляция», «Паровоз» и др., на портале Folio Verso, в коллективных сборниках «Лучшие стихи 2011 года», «Лучшие стихи 2013 года», «Антология Григорьевской премии 2012», «Собрание сочинений», «Аничков мост», «Петербургская поэтическая Формация». Финалист конкурса им. Даниила Хармса «Четвероногая ворона», обладатель приза зрительских симпатий (2013). Лауреат журнала «Зинзивер» в номинации «Поэзия», финалист литературной премии «Антоновка. 40+» и поэтической премии им. А. А. Ахматовой.

Опустошенный дух, гурман печали

Осенние досуги

Моя подруга усвистала к морю.
Она, ехидством славная, не очень
мне нравилась. Была еще одна.
Но эта, первая, являлась чаще.
И если мы оказывались в чаще,
то там и разлагались.

(С той, второй,
мы выбрали б лужайку или стог.)

Та, городская, первая, она
училась на философа, а значит,
умела мужика привлечь.

Слова

такие ласковые говорила,
которые дотол я не слышал,
да и сейчас не вспомню.

Как смеялась!

Пугались козы, блеяли ревниво.
Я счастлив был. Свидетелем — Эрот.

Теперь, в дырявом шалаше сутулясь,
и на костер, дождем почти убитый
махнув рукой, я молча предаюсь,
о, не печали — я ведь не столичный
интеллигент-раззява, — деревенский
я парубок, и с психикой все в норме,
менталитет, опять же, не позволит
гримасничать, рыдая.

Так она

сама мне говорила, из волос
вытряхивая дребедень, целуя,
веля не оборачиваться, брить
щетину вовремя.

Я все исполнил,

все в точности исполнил.

Пусть теперь

попробует, проклятая, присниться.

Голубка

Знаешь ли, моя голубка,
Ласковый мой снег...

Н. Кононов

Веришь ли, моя голубка,
снеговой мой смех,
что моей любви шлюпка
тонет глубже всех,
что твои глаза-базеды

с льдинками на дне
для щекочущей беседы
годны лишь одне?

Знаешь ль, как твои тягучи
губы — те и те,
как крупу роняют тучи
в полной темноте?
В желобе бобслейном — вру? нет?
вечнобелых ног
век лежал бы — нет, не дует —
наг и одиноч.

Видишь ли, как крутит вьюга
месяц-бумеранг,
и не Хулио, но Уго
в дверь стучится как?
Чуешь ль, что могу вмешаться,
но торчу, молчу,
и — *поздняк теперь метаться* —
с бритвою шучу?

* * *

Питать любовь лишь к мысли смутной —
той, что не достигает слова, и к мысли мгновенной —
той, что живет только в слове.
Бред и вздор.

Эмиль Чоран

приступая к изложению недавних
я замешкался и вот уже в тумане
невозможно изложить исходных данных
не рискуя быть замешанным в обмане

то ли дело скажем музыка
 кормися
междометиями пьяными под форте
на глазах всегда простуженных комиссий
вот она берлога для комфорта

разформатываюсь я прозаик скользкий
принимаюсь ан в окошке потемнело
было в дубе том дупло
 худой болконский
лежучи повел ноздрей
 окаменело
но не выдохлось

 А говорят просторы
буераки говорят дышать противно
рыбаки постмодернисты крохоборы
вышли все они из носа буратино

где скажи язык кристальный твоя влага
только ветер брызги скаредного моря
навалилася усталость и ни шага
сладкий дым из завитушек беломора

* * *

Я девочка, и это так нелепо,
босому сердцу бережно в груди хоть.
Дано моей души кусочку неба
чужую похоть принимать за прихоть.

Неколебима сущность неваляшки.
Ничей зрачок еще не затуманен
татуировкой нежной левой ляжки,
где шило жала вжаривает Каин.

Лелеет ужас хтонь в моем алькове.
Я девочка, и это так неловко.
Пришла, видать, мечтам о змеелове
отдаться, чья безжалостна сноровка.

За хрип во мху, за слезы белых лилий
я отомщу, пускай заплачет верба.
С нуаром мессы сладит без усилий
глубокий голос, не лишенный тембра...

* * *

В шумном платье муаровом,
в шумном платье муаровом...

Игорь Северянин

Ну вот же трепет, вот же жар,
зачем же к сердцу льнет
не северянинский муар,
но inferнальный лед.

Он хочет душу усыпить,
врастить в безлунный мрак,
в седой кристалл расхолодить
для виски, маниак!

И — чую даже не нутром —
какой-то жилкой, черт,
тот чуждый чарам черный гром
разодранных аорт!

Но голос мне из забытья
смеется, ворожа:
*из криосауны твоя
любовь спешит, свежа...*

* * *

В ЛитО при психбольнице «Голоса»,
куда, понятно, с улицы не звали,
однажды заглянул на полчаса
опустошенный дух, гурман печали.

— Ух, — прошептал оторопевший дух, —
вот здесь я разживуся под завязку!
И погрузился псих-поэтов слух
в задорную ликующую тряску.

Шизела параноя, дежавю
под сенью упокоилась склероза,

а биполяр Серега, суть свою
поняв, бурчал, что мир вонюч, как роза.

Внезапно Рома скорбный просиял,
запел Иван чарующим фальцетом,
и даже Павел, мрачный коновал,
хихикнул и не покраснел при этом.

А доктор Мозголюбов, местный царь,
карьерного соплежеватель краха,
на бестиарий просветленных харь
любуюсь, понял, что не чувствует страха.

И долго-долго радостный галдеж
кружился в ухе уличного слуха...

А если нынче в «Голоса» зайдешь,
то обнаружишь проявленья Духа.

* * *

Звезда велела пить игристое —
мы подчиняемся звезде.
Надень пальто свое пятнистое,
в кофейной будто бы бурде.

Да ладно, не кусайся, — модное,
клянусь, я верую! — оно.
...За мессианство сумасбродное.
За ядовитое руно.

Пройдем в обнимку градом святошным —
бликует новый год окрест.
...За мраз над континентом радужным
и за торнадо выше звезд.

За смерть от ярости, достойную.
За рай, надежный и простой,
с музыкою развязно-томною
и плоти памятью густой.